

Финикийцы

Медресе Шердора на главной городской площади Регистан – символ Самарканда, выросшего на месте древней столицы Согдианы.

Азиатского материка

Татьяна Громова

В зороастрийских священных книгах VIII-VII веков до н.э. Согдиана описывается как место, «...где высокие горы изобилуют пастбищами и водой, дающими скоту обильный корм, где глубокие озера с обширной водной гладью и судоходные реки с широкими руслами...». А сама она воспевается в «Авесте», как творение верховного бога зороастрийцев: «Затем я, Ахура Мазда, создал несравненную Согдиану, богатую садами».

На плодородных среднеазиатских долинах между Оксом (Амударья) и Яксартом (Сырдарья), переплетались исторические судьбы многих народов, различных по этническому составу, быту, религии, уровню культурного развития. Одному из них – согдийцам – суждено было исполнить сразу несколько великих

исторических миссий: служить звеном, соединявшим западную и дальневосточную цивилизации, стать одним из основных этнотерриториальных компонентов узбекской и таджикской наций и языков, и сыграть блестящую цивилизаторскую роль в формировании письменности в Северной и Восточной Азии.

История древнейших государственных образований на территории Средней Азии, в том числе и Согдианы, до VI века н.э. мало отражена в исторических документах, поэтому сведения, которыми располагают ученые, носят порой полуполюгендарный характер. Достоверно известно лишь, что с VI по IV век до н.э. среднеазиатские народы оказались под властью персидских царей ахеменидской династии, за-

На рубеже эр Согдиана стала членом политической конфедерации, объединившей около двадцати различных княжеств и вольных городов. В I в. н.э. вместе с Бактрией вошла в состав могущественного Кушанского царства. Но канули в Лету и они...

Руины Аяз-Кала («Город на ветру») в пустыне Кызылкум, одной из крупнейших крепостей Древнего Хорезма. IV-II вв. до н.э. Узбекистан.

С этой постройкой связана легенда о простом юноше по имени Аяз, полюбившем принцессу. В обмен на свою руку, она потребовала построить город на высоком холме. Аяз, работал дни и ночи, возвел большую крепость, но принцесса над ним лишь посмеялась.

В исторических трудах античного времени самое раннее письменное упоминание о Мараканде, руины которой сегодня известны под именем Афрасиаб, и расположены на окраине современного Самарканда, относится к 329 году до н.э. – город описывали очевидцы и участники завоевательных походов Александра Македонского.

воевавших гигантскую территорию от Греции и Египта до Индии. В знаменитой многоязычной надписи на скале Бехистун в Иране персидский властитель Дарий, перечисляя подвластные ему народы, называет и древних обитателей Согдианы, Бактрии и Хорезма.

На рубеже эр Согдиана стала членом политической конфедерации, объединившей около двадцати раз-

личных княжеств и вольных городов. В I веке н.э. вместе с Бактрией вошла в состав могущественного Кушанского царства. Но канули в Лету и они...

Земли согдийцев многим древним властителям казались лакомым кусочком. Древнеримский историк Квинт Курций Руф писал, что здесь «много густо расположенных сел, так как плодородие почвы не только привязывает коренных жите-

лей, но и привлекает пришельцев», поэтому жизнь обитателей этого благодатного края проходила почти в непрерывной борьбе с иноземными захватчиками. Особенно притягательно и щедро природой были одарены места, где устроилась и расцвела столица Согдианы Мараканда. В исторических трудах античного времени самое раннее письменное упоминание о Мараканде, руины

которой сегодня известны под именем Афрасиаб, и расположены на окраине современного Самарканда, относится к 329 году до н.э. – город описывали очевидцы и участники завоевательных походов Александра Македонского. «Возраст» Самарканда, однако, значительно древнее. Как свидетельствуют археологические изыскания, городу больше двух с половиной тысяч лет.

Бурная, порой драматическая, и блистательная история была суждена столице Согдианы с первых дней ее существования. При Тимуре Самарканд был столицей мировой империи, простиравшейся от реки Инда до Босфора. А при великом ученом-астрономе Улугбеке приобрел славу одного из выдающихся центров культуры и науки средневековья. «Эдем Древнего Востока», «Рим Востока», «Лик земли» – такими пышными прозвищами наделяли Самарканд средневековые поэты, историки и географы Ирана, Индии, Китая, Византии, Египта.

ЧТО ИМЕЛ В ВИДУ НАЧАЛЬНИК КАНЦЕЛЯРИИ

На стенах дворца, принадлежавшего Самаркандскому правителю в VI–VII веках, талантливый художник изобразил многолюдную свадебную процессию: подружки невесты, почтенные сановники, всадники на верблюдах, вооруженные мечами и кинжалами,

Дворец в Халчаяне, древнем городе, существовавшем с середины I-го тыс. до н. э. до конца III в. н. э. на территории Согдианы. Реконструкция.

сопровождают в Самарканд принцессу из соседнего города Чаганиана.

На одежде одного из мужчин, участвующих в шествии, достаточ-

Металлическая пластина с изображением тигра. Согдийское искусство. VII-VIII вв. Кабинет медалей и монет, Национальная библиотека Франции, Париж.

Согдийские послы, подносящие дань персидскому царю Дарию Великому. Рельеф из дворца в Персеполе. IV в. до н. э. Иран.

Поистине бесценный подарок историкам и исследователям древних письменностей Азии, в том числе и согдийской, преподнес китайский город Дуньхуан, который на протяжении всей истории Шелкового пути был важнейшим пунктом, связывавшим Китай с Южной и Западной Азией.

но хорошо различалась согдийская надпись. Расшифровав ее, ученые прочли текст: *«Я чаганианский начальник канцелярии по имени Бур-Затак. Я прибыл в Самарканд с выражением почтения к самаркандскому царю. И вы не имейте совершенно никаких подозрений относительно меня – я хорошо осведомлен о самаркандских богах и письменности...»*

О чем осведомлен чаганинский канцелярист, современникам его было понятно без дополнительных разъяснений. Нам ответ на этот вопрос искать придется в истории.

О занятиях, верованиях и письменности жителей Согдийской ойкумены, раскинувшейся от Бухары, Самарканды и Худжанда до Великой

Китайской Стены, сообщают, как китайские, хотанские и тюркские источники, так и согдийские памятники письменности, обнаруженные в XX веке в оазисах Центральной Азии и в замке на горе Муг в верхнем течении реки Заравшан в Таджикистане. Надписи на геммах, бумаге, серебряных сосудах, монетах были найдены археологами не только в землях, принадлежавших согдийским правителям, но и в Китае, Тамани, на Горном Алтае, в Монголии, в Киргизии. Во фрагментах

надписей на кирпичках с городища Куль-Тюбе, в Южном Казахстане, сообщалось о постройке города и усмирении «людей кибиток» главой народа Чача из Ташкентского оазиса, уполномоченного правителями иных согдийских областей.

Более 600 надписей IV-VI веков, начертанных согдийскими купцами, обнаружены даже на скалах в верховьях Инда, где проходили караванные пути из Средней Азии и Кашгарии в Индию. Как правило, это были имена и названия мест, откуда они

Согдийцы. Фрагмент изображения на китайской стеле. 550-577 гг.
 Национальный музей восточных искусств –
 Музей Гиме, Париж, Франция.

прибыли, но среди прочих сохранилось и обращение к духам – помочь перебраться через снежные перевалы Каракорума.

Так называемый «Мугский архив» правителя Пенджикента Деваштича, претендовавшего на согдийский престол, – письма, договоры, распоряжения, хозяйственные записи VIII века, написанные на коже, бумаге и расщепленных ивовых палках, содержат образцы таких редких для средневековой дипломатики жанров, как официальная переписка высоких представителей разных сторон и шпионские донесения.

Самый восточный образец согдийской письменности – надпись на куске сандалового дерева – найден в императорской сокровищнице в Японии, самый западный – надпись на куске парчи – в алтаре собора в Генте, Бельгия.

Поистине бесценный подарок историкам и исследователям древних письменностей Азии, в том числе и согдийской, преподнес в 1899 году китайский город Дуньхуан, который на протяжении всей истории Шелкового пути был важнейшим пунктом, связывавшим Китай с Южной и Западной Азией.

В одной из пещер буддийского монастыря – «Пещере тысячи Будд» – было обнаружено свыше 20 тысяч рукописей на языках Китая, Индии, Средней и Передней Азии. Среди памятников письменности из этой замечательной библиотеки – отрывок согдийского сказания о Рустаме, фрагменты согдийской версии «Евангелия» Мани и его «Книги Гигантов», стихотворные гимны манихеев, фрагменты согдийских переводов текстов христианского Нового Завета и сочинений Сирийских «житий».

Одна из самых интересных находок была сделана в 1906-1908 годах в развалинах сторожевой башни, к западу от Дуньхуана, экспедицией венгерского путешественника и этнографа Марка Ауреля Стейна – девять частных писем согдийцев, приготовленных

для отправки в Самарканд. Они были сложены в дорожную сумку, но по каким-то причинам так и не доставлены адресатам. В науке находка получила название «Старых писем» и датируется началом IV века н.э. Послания содержали сообщения о торговых делах согдийских колонистов в Ганьсу и во внутреннем Китае, жалобы и проклятия знатной согдианки, брошенной мужем без средств к существованию в Дуньхуане и вынужденной отдать дочь в служанки китайцам.

Удивительна переписка между матерью, жившей в Самарканде, и ее дочерью Меванчей. В одном из писем, продиктованном писцу согдианкой Меванчей («Тигренок») на имя своей матери, говорится о нашествии гуннов, пожаре в Сиане, бегстве императора

Персидский раб-перс в Хиве. Рисунок XIX в.

Основание надгробия с согдийскими сценами.
550-577 гг.
Художественная галерея, Вашингтон, США.

← Ритон. Искусство Согдианы. Конец IV в.
Художественный музей, Кливленд, США.

из столицы – событиях, позволяющих точно датировать письмо 312 годом н.э. В другом письме Меванча жалуется родительнице на печальную судьбу: ее опекун Нанидат хочет жениться на ней, а она не согласна: *«Лучше я буду женой собаки или свиньи, чем женой Нанидата»*, – пишет девушка. В следующем письме она, напротив, сообщает самаркандской родне, что счастлива в браке и нежно заботится о горячо любимом муже. Непонятно, правда, переменила ли она мнение о Нанидате или ей удалось избавиться от притязаний ненавистного ухажера и выйти за другого...

Для записи согдийских текстов использовался консонантный алфавит, развившийся из арамейской письменности через одно из ответвлений арамейского письма – алфавит *пехлеви*, обслуживавший несколько диалектов персидского языка. Он то и послужил основой для нескольких письменностей, включая ту, которая применялась для согдийского языка.

В одном из писем, продиктованном писцу согдианкой Меванчей («Тигренок») на имя своей матери, говорится о нашествии гуннов, пожаре в Сиане, бегстве императора из столицы – событиях, позволяющих точно датировать письмо 312 г. н.э.

Большая процессия.
Согдийская фреска из парадного зала дворца самаркандского ихшида (титул правителя). Обнаружена при раскопках Афрасиаба, древней согдийской столицы Мараканды. VII-VIII вв. Музей истории Самарканда, Узбекистан.

Сами согдийцы в VII – начале VIII веков считали, что их алфавит (в записках китайских путешественников начала первого тысячелетия он именуется «сули») содержит 23 буквы: 22 буквы, восходящие к арамейскому прототипу, и расположенные в соответствии с арамейским порядком алфавита, а дополнительная, двадцать третья буква, представляет собой повторение 12-ой буквы арамейского прототипа. У персидского ученого Мухаммада ибн Мансур Мерверруди, в сочинении «Тарихи Мубарак-шах», оконченном им в 1206 году, есть указание, что

«писали по-сугски справа налево, при этом буквы не соединялись друг с другом».

**«ПУСТЬ РАСЦВЕТАЮТ
СТО ЦВЕТОВ,
ПУСТЬ СОПЕРНИЧАЮТ
СТО ШКОЛ»**

Лозунг, выдвинутый более двух тысяч лет назад китайским императором Цинь Шихуаном, похоже, как нельзя полно осуществился в Согдиане. О широком кругозоре согдийского общества свидетельствует рассказ китайского летописца о пора-

зившем его здании, на стене которого «красками написаны императоры Срединного государства (Китая), на восточной – тюркские ханы и индийские владетели, на западной – государи Персии и Фо-линь (Рима)».

«Расцветали все цветы» в Согдиане в доисламское время и в религиозных воззрениях. Здесь пересекались разные вероучения, отношения между которыми до нашествия арабов, покончивших со всяким свободомыслием в делах веры, отличались взаимной терпимостью и толерантностью.

Фрагмент росписи из Дальверзин-тепе, согдийского поселения периода Кушанского царства. I в. Институт искусствоведения, Ташкент, Узбекистан.

Это было следствием того, что в процессе исторического развития одна религиозная система наслаивалась на другую. Вначале к древнейшим местным культам, еще продолжавшим играть значительную роль, прибавился возникший на территории Восточного Ирана и Средней Азии зороастризм. Но став огнепоклонниками, согдийцы не перестали поклоняться любимой богине плодородия Нане-Анахите, считали ее покровительницей города и чеканили ее имя на монетах. Судя по скудным историческим данным, в Согдиане существовали центры особого почитания древней богини.

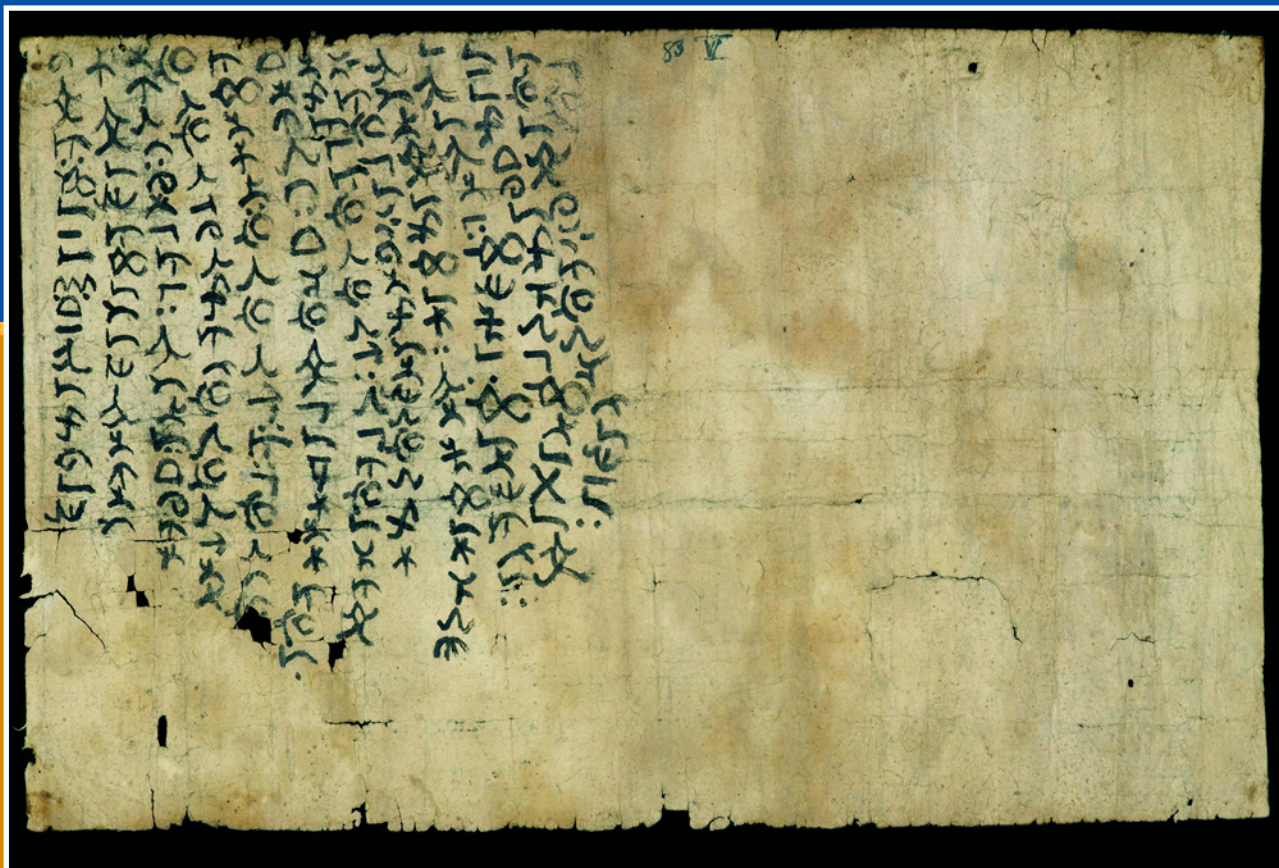
Улица в Самарканде. Худ. Рихард Зоммер. 1906 г.
Музей искусств Узбекистана, Ташкент.

Кочевники.
Худ. Рихард Зоммер. 1916 г.
Музей искусств Узбекистана, Ташкент.

В последние столетия до нашей эры согдийцы узнали об учении Будды. В первые столетия нашей – в Среднюю Азию проникли иудаизм, манихейство и христианство. Манихейское учение, расцветшее вначале в Согдиане, явилось единственной мировой религией, которая в эпоху средневековья на несколько веков объединила почти все тюркоязычные народы Евразии от верховий Амура на востоке до устья Дуная на западе, а с VIII века манихейство стало государственной религией Уйгурской державы.

Интересно, что такое же чрезвычайно спокойное отношение к любым религиям было характерно и для монголов, завоевавших в XIII веке земли Согдианы. Чингисхану принадлежат слова: *«Уважаю и почитаю всех четырех (Будду, Моисея,*

Текст военного донесения, написанный согдийским письмом.

Найден Марком Аурелем Стейном во время экспедиции 1906-1908 гг. в Восточный Туркестан.

Британская библиотека, Лондон, Великобритания.

На согдийском сохранились самая ранняя из известных записей авестийского текста – обращение к Заратуштре и молитва Ашэм Воху; буддистские свитки; христианские богословские тексты, фрагменты Священного Писания.

Иисуса, Мухаммеда) и прошу того, кто у них в правде наибольший, чтобы он стал моим помощником. В роду Джучидов хан Батый был язычником, его сын Сартак – христианином, а брат Батые Берке – мусульманином.

Тот же лозунг о «ста цветах» как нельзя точно применим и к согдийскому письму, которым записывались, и на который переводились священные тексты всех принявших в Согдиане вероучений – зороастрийские, буддийские, христианские, манихейские. В этом смысле согдийское письменное наследие в мировой истории представляет собой поистине уникальный феномен.

На согдийском сохранились самая ранняя из известных записей авестийского текста – обращение к Заратуштре и молитва Ашэм Воху; буддистские свитки; христианские богословские тексты, фрагменты Священного Писания. Один христианский фрагмент содержит обрывки Нагорной Проповеди, записанные по-согдийски и по-гречески. Есть тексты, относящиеся к несторианскому христианству, а также к мелькитам и православным Средней Азии (об их присутствии в Хорезме XI века сообщает Бируни).

Эти рукописи согдийско-буддийских, манихейских и христианских текстов, хранящиеся сейчас в Парижской Национальной библиотеке,

Британской библиотеке, Собрании Берлинской Академии наук, Собрании Института востоковедения Российской АН, стали основным источником для изучения согдийского языка и положили начало лингвистической согдологии.

ПИСЬМО ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Оживленную торговлю с соседними странами согдийцы вели еще в античности – описания дорог, ведущих с Запада на Восток, встречаются в греко-римских и парфянских источниках. Когда же во второй половине II века до н.э. через согдийские земли пролегал знаме-

Изречение из Корана.
Изображение на изразцовых плитках
медресе Алла-Кули-хана в Хиве,
Узбекистан.

*С VIII в. согдийский язык постепенно
перешел в разряд языков мертвых,
а согдийская письменность заменена
арабской.*

нитый Великий Шелковый путь, Согдиана оказалась на главном перекрестке важнейших караванных троп тогдашнего мира. Предприимчивые и знавшие толк в торговых делах, согдийцы взяли на себя их обслуживание, а согдийский язык зазвучал вдоль всего Шелкового пути, став основным языком международного общения, торговли и культурного обмена огромного азиатского региона, Южной Сибири и Дальнего Востока.

Выдающийся русский востоковед академик В.В. Бартольд писал, что деятельность согдийцев вдоль караванных путей мало уступает культурной деятельности финикийцев вдоль путей морской торговли. Так согдийской письменности выпала судьба сыграть в формировании культуры народов Азии ту же роль, которую сыграл в свое время финикийский алфавит для ближневосточных и европейских народов.

Согдийское письмо было адаптировано вначале для восточнотюркского, а затем уйгурского и маньчжурского языков. Как доносил своему патрону в IV веке наместник императора Китая, среди тюрков *«живет много согдийцев, которые хитры и коварны; они научают и направляют тюрков»*. Естественно, что когда в последней четверти VI века Первый Тюркский каганат, как и полагается сформировавшемуся государству, установил в своих пределах официальную письменность, ею стало согдийское письмо.

Согдийские по языку и письменности эпиграфические памятники оставлены в Центральной Азии и от сменившей Второй Восточнотюркский каганат Уйгурской державы

(745-840 годы), в которой международный язык Шелкового пути некоторое время уживался с руническим орхонским письмом.

После того, как на реке Онон, на всеобщем курултае монголов в 1206 году Тэмучин был провозглашен Чингисханом, и возникло

Алим-хан, эмир Бухары.
Фото Сергея Михайловича Прокудина-Горского. 1907 г.
Библиотека Конгресса,
Вашингтон, США.

В 651 г. земли Средней Азии впервые услышали топот арабской конницы. Но «несравненная Согдиана» оказалась крепким орешком. Лишь семьдесят лет спустя, после длительной и трудной борьбы, она была, наконец, завоевана мусульманскими войсками Кутейбы ибн Муслима.

Монгольское государство, тюркско-уйгурский язык стал использоваться для составления всех официальных актов, а уйгурская письменность с течением времени была приспособлена к монгольскому языку и стала официальной письменностью Монгольской империи. Монгольский алфавит галик, упрощенная форма которого (старомонгольское письмо) использовалась большин-

ством монголов до перехода на кириллицу в середине XX века, а иногда применяется и сейчас.

В 651 году земли Средней Азии впервые услышали топот арабской конницы. Но «несравненная Согдиана» оказалась крепким орешком. Лишь семьдесят лет спустя, после длительной и трудной борьбы, она была, наконец, завоевана мусульманскими войсками Кутейбы ибн Муслима.

С 20-х годов VIII века жизнь в согдийских городах замерла. Естественный ход развития высокой, самобытной культуры прервался. Арабы, прежде всего, покончили со всяким свободомыслием, искоренили местные верования и сделали государственной религией ислам. А еще два века спустя выходит из употребления само имя страны, сохранившееся разве что как назва-

Самарканд. Фото Сергея Михайловича Прокудина-Горского. Между 1905 и 1915 гг.
Библиотека Конгресса, Вашингтон, США.

ние двух небольших руставок к западу от Самарканда. Согдийская письменность была заменена арабской, а сам согдийский язык постепенно перешел в разряд языков мертвых.

Такая же участь постигла и другие письменности Средней Азии, существовавшие здесь на рубеже древности и средневековья. В Хорезме, как свидетельствуют письменные памятники III-IV веков, развивалось хорезмское письмо. В Тохаристане было распространено несколько алфавитов индийского происхождения. Своеобразное письмо, восходящее к арамейскому алфавиту (как согдийское и хорезмское), существовало у кочевников. К сожалению, письменных памятников этого времени сохранилось

немного – как свидетельствует в своих хрониках и трактатах среднеазиатский ученый-энциклопедист ал-Бируни (973-1048 гг.), они были уничтожены арабами.

И все же из глубин народной памяти согдийский язык бесследно вытеснен не был. На всей территории, которую некогда занимала древняя Согдиана, многие города и селения, сохранили в топонимике первоначальные названия, имеющие в своем составе согдийское слово «кент», то есть «селение», «город» – Ташкент, Паркент, Пскент и многие другие. Память о Согдиане звучит и в названии Самарканда, преобразовавшемся из слова «Семизкент», то есть «богатое селение».